

КОНСТАНТИН ВАГИНОВ

Бамбочада

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
В12

Вагинов К.

В12 Бамбочада : [роман] / Константин Вагинов. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 167 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-07379-2

В романе «Бамбочада», как и в других произведениях, Вагинов рассказывает историю людей, с трудом вписывающихся в новую реальность. На фоне перемен рубежа 1920–1930-х годов герои пытаются удержать материальную прелесть жизни и даже основывают «общество собирания мелочей уходящего быта». Но уже ничто не может спасти их от приступов скуки и тоски.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-07379-2

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

Бамбочада — изображение сцен обыденной жизни в карикатурном виде. Г. Ван-Лир, прозванный *il Bamboccio* (калека), в XVII в. славился этого рода картинами.

Ф. И. Булгаков. Худ. энц., т. I

Матреша Белоусова была уже в летах. В деревне ее звали однокоской.

Она служила в нянях и утверждала в течение пяти лет, что ей — двадцать пять.

Она была жеманна и говорила про ломовика Прошу, что он ворочает ее как куколку.

По вечерам, перед тем как ложиться спать, она перед осколком зеркала заплетала волосы в мелкие, мелкие косички; чтобы скрепить их, она плевала на пальцы.

Она угрожала так:

— Я его шпокну!

С ней познакомился Евгений Фелинфлеин в год ужасающих морозов, каких не было уже лет сто.

Фелинфлеин уже не был пухлым, румяным шестнадцатилетним мальчиком. Восемь лет авантюр, путешествий и вранья несколько изменили выражение его лица, возраст расширил Евгения в плечах, вызвал растительность, хотя и умеренную, на его щеках.

Наступала весна.

Матреша Белоусова стояла у ворот в своем старомодном пальто и шелковом платке под парчу.

Фелинфлеин в огромных очках шел, постукивая палкой, и размышлял:

«Где бы мне пообедать, у кого переночевать, что предпринять, чтобы не было скучно?»

В прошлом остался цирк в Бухаре, т. е. вырытое в земле углубление, уставленное деревянными скамейками с накинутыми на них коврами; там после пляшущих лошадей и полной танцовщицы в пачках, прыгавшей через веревку, и перед жонглером, подкидывающим цветные стеклянные кегли, выступал Евгений вместе с каким-то прохвостом, одетым в костюм трубадура, исполнявшим под собственный аккомпанемент на пиле куплеты с припевом:

Умен, умен, умен,
Дурак, дурак, дурак.

Кроме бухарского цирка, Евгений уже побывал режиссером Халибуканского театра и аккомпаниатором нижегородской радиостанции, электромонтером и актером передвижного коллектива и секретарем одной из газет на побережье Крыма, но сейчас он был безработный.

Он шел, ударяя палкою о камни, думая о том, как он здорово сыграл вместо «Интернационала» — «Марсельезу» на одном из съездов делегатов электроучреждений, и какая мина была у заведующего дворцом, и как его, Фелинфлеина, выперли.

Вдруг расхохотался.

Стоявшая у ворот Матреша Белоусова, увидя молодого человека с портфелем под мышкой, в темных очках, шедшего и постукивавшего палкой, приняла его хохот за желание познакомиться, оправила юбки, вытянула голову и стыдливо прыснула.

— Милочка, — сказал Фелинфлеин, — не мне ли вы улыбаетесь? Не сдастся ли у вас комната?

И хотел идти дальше.

— Как же, как же, — пустила вдогонку барышня Белоусова, — комнатки нет, да для такого приветливого молодого человека, быть может, и найдется.

«Хе-хе, — подумал Фелинфлеин, — что это за бабища?»

— У вас в доме есть комната? — спросил он удивленно. — Уж не казначейша ли вы?

— Казначейша не казначейша, а комнату сдать можем, — гордо заявила бывшая няня.

И вдруг поднял ногу молодой человек и опустил ее на палку.

«Чем черт не шутит! Может быть, бабища действительно комнату достанет?»

— Домишко-то у вас того! — сказал он, подняв голову и посмотрев на двухэтажное здание с трещиной, давно не крашеное, с небольшими окнами, с ухабным двором, — если можно так назвать пустое пространство между воротами и флигелем. Боковых домов не было. Стояли ворота, а за ними на некотором расстоянии красно-кирпичный дом.

— И, молодой человек, — добродушно возразила девица, — везде люди живут! А где вы лучше найдете? Небось не первый день по лестницам маетесь?!

Пошла от ворот, оглядываясь.

Евгений, как благовоспитанный юноша, последовал за барышней Белоусовой.

— Вот, Наталья Тимофеевна, — пояснила барышня Белоусова, — вам жильца привела.

Евгений скромно поклонился.

— Человек мне известный.

— Да, уж знаете, время такое, — пояснила Наталья Тимофеевна, — всем приходится сжиматься, да только понравится ли вам, уж больно у нас мизерно; по виду видно, что вы человек воспитанный, может быть, из высшего круга, а домишко у нас неблагополучный, того и гляди развалится. Ну да ладно, раз зашли, показать надо; да только не прибрано еще, не обессудьте.

Фелинглеин представил, какую карикатуру рисует Петя Керепетин — «Евгений в роли...», когда узнает, где он поселился.

По облупленному дощатому полу, предшествуемый хозяйкой и сопровождаемый няней, прошел в комнату, заставленную и холодную. «Вид из окна ничего», — подумал съемщик, увидев зелень и купола собора Иоанна Предтечи.

— Не комната, а дворец! — сказал он. — Вот моя трудовая книжка; сообразоволите принять задаток.

Пропуская ступеньки, неся перед собой палку как жезл, он быстро-быстро побежал продавать чужую браслетку.

— Вы уж, Матреша, помогите вынести лишние вещи, а то здесь и казак с лошадей потонет, — закрывая дверь, сказала хозяйка.

В то время как рухлядь выносилась, причем Матреша с тайным любопытством все осматривала, Фелинфлеин заходил в ювелирные магазины и силился продать именинный браслет. Но как раз проводился очередной налоговый нажим, и все скупщики золота обратились в часовщиков-кустарей. Мигом были убраны цепочки, кольца, кулоны, подстаканники, вазы хрустальные; вместо них положены были плакаты:

«Здесь производится ремонт часов».

«Наша специальность — выверка часов».

«Дороже всех платим за ломаные часы!»

— Я принес пусячок, — вынул Фелинфлеин разноцветную браслетку, опустил на прилавок и, скрестив ладони на палке, небрежно оперся, ожидая мелькания руки, лупы в глазу, быстрого оборота браслетки, нахождения пробы, взвешивания на руке и презрительного бросания на весы.

Но ювелир не притронулся к щепотке золота, размеившейся по стеклу, покрывавшему пустое пространство, а, подозрительно посмотрев на стоявшую в ожидании элегантную фигуру, прокричал:

— Ни золота, ни серебра, ни бриллиантов мы не покупаем, — и, повернувшись спиной к улице, левою рукой поднял браслетку и бросил на весы.

Пряча деньги в карман, удивляясь столь невежливому обращению, пожал Евгений плечами. Вышел на улицу. Прочел:

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ
МАСТЕРОВ
САМОЗВАНЦЕВ,
ПРИКРЫВАЮЩИХСЯ ФИРМАМИ
ПАВЕЛ БУРЕ И ДР.
А НА САМОМ ДЕЛЕ НИКАКОГО
ОТНОШЕНИЯ К ЭТОЙ ФИРМЕ
НЕ ИМЕЛИ И НЕ ИМЕЮТ.
ОТДАВАЯ СВОИ ЧАСЫ В ПОЧИНКУ
ВЫШЕУПОМЯНУТЫМ САМОЗВАНЦАМ
ВАШИ ЧАСЫ
ТЕРЯЮТ СВОЕ
ДОСТОИНСТВО.

Вдруг юноша был подхвачен под руку женской рукой в перчатке и повернут. Евгений увидел кончик носа и яркие губы одной из своих жен, Нины Псиоль.

— Ты что здесь делаешь? — радостно воскликнула она.

— А ты?

— Я бегу на службу. Идем, посидим, тысячу лет не видались.

Муж и бывшая жена, хохоча, пошли рядом.

— Постой! — вскричал бывший муж, когда перед ним появился неокрашенный дощатый забор и над ним облепленное снегом, с огромной, превра-